
Генрих Зиновьевич Иоффе (1928–2024)

4 марта 2024 г. в Монреале (Канада) ушёл из жизни выдающийся историк, профессор Генрих Зиновьевич Иоффе. Он родился в Москве в «простой», как тогда говорили, семье (отец работал часовщиком). Рос в окружении, типичном для своего времени: дворовые и школьные друзья верили в светлое социалистическое будущее и стремились учиться дальше. Однако с профессией будущий учёный определился не сразу: в 1945 г. после окончания десятилетки поступил в Первый медицинский институт, но ушёл из него через год. Хотел стать философом, но попасть на соответствующий факультет не смог. Не удалось пробиться и на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В 1950 г. Иоффе с отличием окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (МГПИ), после чего уехал по распределению в Костромскую обл. работать в педагогическом училище г. Кологрив. Вернувшись по прошествии положенного срока в столицу, целый год не мог найти работу. Пришлось учительствовать в школе рабочей молодёжи. В 1956 г. ему удалось устроиться в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина («возил тачки с книжками, штемпелевал старые газеты»), откуда в 1964 г. перейти в издательство «Наука» АН СССР. Судя по воспоминаниям, труднее всего ему пришлось именно там: работа редактора была весьма напряжённой и крайне нервной. Тем не менее о своём «донаучном» окружении — от педучилища до издательства — Генрих Зиновьевич вспоминал с наибольшей симпатией.

Несмотря на немалые трудности, в 1966 г. Иоффе защитил в МГПИ кандидатскую диссертацию на не совсем обычно звучавшую тему: «Англо-американская буржуазная историография Февральской революции в России». Книжки о западных авторах проходили под рубрикой «Критика буржуазных фальсификаторов». Именно в это время началось его сотрудничество с академиком И.И. Минцем, возглавлявшим Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

В результате в «большую науку» Генрих Зиновьевич пришёл уже в зрелом возрасте, с запасом житейской мудрости. К тому времени советские историки от догм сталинского «Краткого курса» двинулись к «ленинской» концепции революции, хотя по сегодняшним меркам они различались немногим. И в том и в другом случае историкам следовало подтверждать идеологическую трактовку «закономерностей» революционного процесса, «ведущей силой» которого провозглашались рабочий класс и его авангард — «монолитная» большевистская партия. Тем не менее пространство поиска расширилось — в том числе за счёт показа «краха» противников Ленина.

По словам Генриха Зиновьевича, Минц — член РКП(б) с 1917 г., участник Гражданской войны, затем «красный профессор» — всегда проводил «линию ЦК»: трактовка истории Октября должна была точно отражать очередное постановление партийных верхов. Вместе с тем, будучи достаточно эрудированным человеком, он откликался на новшества в разработке проблематики Октябрьской революции. Ему понадобился исследователь, который предложил

бы «взвешенную» оценку западных авторов для будущего трёхтомника «История Великого Октября». Работа носила взаимовыгодный характер: сотрудники подбирали нужный материал, Минц его использовал, а подчинённые попутно писали собственные статьи, книги, диссертации.

В 1970 г. в издательстве «Наука» вышла первая монография Иоффе «Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии», затем увидели свет книги, брошюры и статьи, посвящённые зарубежным авторам. Он одним из первых смог взглянуть на революцию «со стороны» — разумеется, сохраняя при этом обязательную для того времени риторику. Примечательно, что «критикуемые» им авторы ничуть не обижались, понимая, в какой идеологической обстановке работают советские учёные. Правда, позже «разоблачение фальсификаторов» оказалось поставлено на поток, но и тогда подчас делалось лишь для того, чтобы получить своеобразный сертификат «благонадёжности» от блюстителей чистоты «марксистско-ленинской науки». Тем временем в работах Иоффе то и дело проходил конкретный исторический материал, ставивший под сомнения те или иные догмы.

Тогдашняя обстановка в исторической науке оказалась противоречивой. Идеологическая оттепель заканчивалась. Сначала охранители одёрнули Э.Н. Бурджалова за двухтомник о Февральской революции, в котором тот осмелился показать её стихийный характер. Затем последовал разгром «нового направления», авторы которого усомнились в непрерывном характере гегемонии пролетариата. В то же время под эгидой минцевского Научного совета в г. Калининне прошла серия конференций, призванных показать «крах» буржуазных и мелкобуржуазных противников большевиков. Разумеется, памятуя об идеологических репрессиях, историки лукавили: «разоблачали» тех, кому иной раз в пику надоевшим догмам внутренне симпатизировали. В любом случае, стало очевидно, что революцию нельзя изучать без контрреволюции. Именно эта идея захватила Иоффе одним из первых.

Наибольший интерес вызывали тогда лидеры контрреволюции. В 1977 г. в издательстве «Наука» вышла монография Генриха Зиновьевича «Крах российской монархической контрреволюции». Её название характерно для тех лет: все противники большевиков — вплоть до черносотенцев — изображались более «правыми», нежели являлись на самом деле. Однако автор названием остался доволен не вполне: в узком кругу он отмечал, что среди белогвардейцев монархисты заявили о себе лишь в конце Гражданской войны. В 1983 г. в издательстве «Мысль» вышла монография «Колчаковская авантюра и её крах», в 1989 г. эту тему продолжила книга «“Белое дело”. Генерал Корнилов». Иоффе сумел показать разнородность и эмоциональную неустойчивость контрреволюции, ставшие одной из причин её поражения. Он активно использовал материалы «Пражского архива» — собрания материалов и документов (в основном мемуаров) оказавшихся в эмиграции противников большевиков. В 1945 г. их перевезли в СССР и поместили на специальное хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне — Государственный архив Российской Федерации). Вероятно, Иоффе стал первым историком, допущенным к этим документам (несомненно, благодаря близости к Минцу).

Перестройку Иоффе встретил уже признанным историком. В новых условиях он пытался использовать своё положение, чтобы привлечь внимание к острым проблемам науки. Так, в сентябре 1987 г. на симпозиуме «Великий

Октябрь — переломное событие мировой истории» в Институте истории СССР АН СССР вслед за В.Д. Поликарповым (которого сам среди тогдашних историков уважал больше всего) решительно заявил, что имеющаяся литература о революции (а она к тому времени насчитывала около 25 тыс. книг и статей) не отвечает читательским запросам: «Мы не пишем книги, мы их составляем». При этом сказывалась известного рода «субординация», которой в науке не должно быть по определению. Примечательно, что на этом мероприятии по причине нездоровья отсутствовал Минц. Однако, думается, в присутствии шефа Иоффе сказал бы то же самое. Тем не менее в прежнем окружении ему стало «тесно», и в 1992 г. он перешёл в новосозданный Центр по изучению новейшей истории и политологии Института российской истории РАН.

В первой половине 1990-х гг. Иоффе выпустил свои наиболее читаемые книги: «Революция и судьба Романовых» (1992) и «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов» (1995). Экземпляр последней в Российской государственной библиотеке «зачитан» больше, чем любая другая книга о революции. Признание на родине «догнало» зарубежную славу. Когда в 1990 г. на международном конгрессе советологов в Харрогейте (Великобритания) объявили его выступление, зал разразился аплодисментами, что докладчика явно смутило. И неудивительно: по-настоящему увлечённые и талантливые люди обычно не сознают масштабов своей известности. Стоит отметить, что, занимаясь историей контрреволюции, Иоффе вовсе не перешёл на «белогвардейские» позиции. «К переменам, к искоренению догматизма, к свободному историческому мышлению большинство из нас было не готово», — отмечал он позднее.

В 1995 г. на пике научного признания Генрих Зиновьевич «по семейным обстоятельствам» эмигрировал в Канаду — к дочери. Отъезд дался ему нелегко. Позднее он иронизировал: был исследователем первой («белой») волны, современником второй и третьей, участником четвёртой. Сначала бежали от Ленина, затем от Сталина (после Великой Отечественной войны), брежневского «застоя», наконец, от Горбачёва и Ельцина. Что и говорить: парадоксально-многозначительный комментарий к нашей истории!

Между прочим, ещё в книге о «колчаковской аванюре» (в действительности он вряд ли соглашался с данным штампом) Иоффе писал: «Невозможно оценивать всю эту эмиграцию однозначно. Немало людей оказалось за рубежами родной страны не по своей воле: холодные ветры гражданской войны и иностранной интервенции поднимали с мест, бросали из края в край, в чужие края». В известной степени эту характеристику можно приложить и к представителям его собственного эмигрантского окружения. Их нравы и повадки Генрих Зиновьевич высмеял в серии юмористических рассказов, способных конкурировать с текстами С.Д. Довлатова.

Эмигрантское бытие вряд ли возможно без скрытой или явной ностальгии. При этом именно историк на перемещение в иное культурное пространство реагирует особенно остро. В этом смысле примечательна изданная в Иерусалиме в 2009 г. книга «Было время... Воспоминания». Это уникальный источник, показывающий «изнутри» скрываемые или ложно интерпретируемые события. Иоффе рассказал, например, как москвичи реагировали на панику 16 октября 1941 г., затронул и ряд последующих явлений, включая перестройку и её психосоциальные последствия. Уникальны зарисовки, касающиеся поведения некогда всесильных представителей советской номенклатуры, в неформальной обстановке встречавшихся на Патриарших прудах. Мемуарист никого не осу-

ждает, изумляясь, однако, тому, как меняется человек, потерявший привычные жизненные ориентиры и особенно власть.

Благодаря своей активности Генрих Зиновьевич занял заметное место среди творческой эмиграции: выступал автором и членом редколлегии «Нового журнала» (Нью-Йорк), публиковался в русскоязычных изданиях США, Канады, Франции, Израиля. В сетевом журнале «Заметки по еврейской истории» появлялись интересные очерки о людях переломных эпох: от Григория Отрепьева до Леонида Канегиссера, от Я.Г. Блюмкина до Минца. Это особый, «эссеистский» жанр — размышления на базе известных, но «не замечаемых» фактов. Жизненный опыт позволял не оглядываться на авторитеты и не делать скороспелых открытий на базе отдельных документов. Зато тексты охотно разбавлялись поэтическими строками — от А.С. Пушкина до Г.В. Иванова. И это оправданно: историк должен ощущать «дух» исследуемой эпохи и уметь работать в различных жанрах.

Разумеется, в эмиграции Иоффе не терял связей с коллегами. Он не раз приезжал в Россию, постоянно печатался в журналах «Отечественная история» (с 2009 г. — «Российская история»), «Новый исторический вестник», «Новая и новейшая история», «Исторический архив», «Наука и жизнь». Примечателен изданный в Санкт-Петербурге в 2017 г. объёмистый сборник его статей «История среди нас (Очерки из русского прошлого)». Можно сказать, что таким способом учёный смог привлечь внимание читателей к «академическим» — и не только своим собственным — сочинениям. В целом за 30 лет эмигрантской жизни он опубликовал едва ли не больше, чем за предыдущие годы. Правда, это уже иная стилистика — далёкая от советского академизма, внутренне раскованная, свободная, порой ироничная.

Некоторые рассуждения Иоффе о причинах революции стоило бы вспомнить современным авторам — особенно конспирологам. «Истории известны долгие периоды удивительного терпения “низов”, измученных гнётом и лишениями, — писал он в статье о “распутиниаде”. — Пока власть ещё внушает доверие, уважение, трепет, страх — всё равно, — она так или иначе “держит” устойчивость, даже несмотря на свои очевидные промахи и грехи. Но вот в ходе кризиса власть начинает искать выход из него, и наступает время перемен и некоторых уступок “низам” — самый уязвимый момент для старого порядка. Именно тогда начинается сравнение того, что дают народу, с тем, что он требует, и с тем, что ему так легко обещают некоторые политики. Именно тогда народ “бьёт посуду” и “зажигает дом”. Наступает революционная анархия».

Как и положено историку, Генрих Зиновьевич Иоффе жил и в прошлом, и в «своём» времени. Последнее он «опередил». Потому его труды ничуть не устарели. Вряд ли они когда-либо устареют вообще — мысли и прозрения большого учёного легко перемещаются сквозь время и пространство.

Друзья, коллеги